

Н. Гессе

Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко

Сказки славян

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
H11

H11 **Н. Гессе**
Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко: Сказки славян / Н. Гессе – М.: Книга по Требованию, 2023. – 188 с.

ISBN 978-5-458-29506-2

В сборник вошли сказки славян — восточных, западных и южных. Авторы сборника Н. Гессе и З. Задунайская отразили разнообразие и богатство славянского фольклора, пересказав для детей сказки восемнадцати славянских народов.

ISBN 978-5-458-29506-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Эпосы, легенды и сказания: «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян.»

— Хорош твой сад, а ты и того лучше. Если посватаюсь, пойдёшь ли за меня, красна девица?

— Пойду, — тихонько Палашенька ответила.

Мачеха чуть со злости не лопнула, дочки её от зависти день-деньской ревели. Да что поделешь!

— Ладно, — старуха дочкам сказала, — сад-то нам останется.

Обнесли сад высоким забором, чтоб прохожие не заглядывали, на ворота большой замок навесили. Да не вышло по-ихнему.

Как сыграли свадьбу, молодой молодую к себе повёз. Только кони тронулись, сами собой ворота растворились, корни яблонь сами из земли вытащились, и пошёл сад следом. Над ним птицы летят, а позади всех кот-баюн бежит. А за высоким забором голая земля осталась, ямы да рытвины.

В мире и согласии зажили молодые. Через год Палашенька своему мужу сына родила, как раз на ту пору по торговым делам в другой город ехать понадобилось. Собирается он в путь, жене Палашеньке наказ даёт:

— Береги ребёнка, себя береги! А мачеху с сестрами на порог не пускай...

Сказал так, жену, сына на прощанье поцеловал и уехал. Мачеха про то узнала — проведала. И — тут как тут — в дом стучится.

— Не пущу! — говорит Палашенька. — Мне муж не велел. Иди с миром, откуда пришла.

А мачеха ей с крыльца:

— Не со злом я к тебе, Палашенька. Муж твой мимо нашего дома ехал, платок обронил, а я подняла. Тот платок, что ты ему цветными шелками вышила. Приоткрой дверь, я тебе его отдам.

Поверила Палашенька, приоткрыла дверь. Мачеха поставила ногу на порог, ударила падчерицу и заклятье проговорила:

— Не бывать тебе молодой женой, Обернёшься рысью злюю, бегучею... Не баюкать младенца над светлой водой, А бежать за тёмной водой, за текучею.

Вмиг Палашенька рысью обернулась, в дремучий лес убежала.

А мачеха привела Двуглазку, обрядила в Палашенькино платье, косы под платок убрала. Никто того не видел, не слышал, одна няньшка всё видела, всё слышала. Да ведьма-мачеха ей лютой смертью пригрозила, вот она и смолчала.

Вскорости вернулся домой Иван — торговый сын. Смотрит — диву даётся. Всего семь дней дома не был, а жена переменилась, признать её не может. Была краше майского цвета, а теперь ровно привяла. Была добрая да ласковая, взглянет — будто солнышко пригреет, а теперь стала, как ненастный день, хмурая. И ребёнок плачет, заливается.

Иван спрашивает:

— Почему ребёнок плачет?

Двуглазка отвечает:

— Нянька-мамка всё с ним в чисто поле, в тёмный лес гулять ходит. Вот и приучила.

— Как приучила, пусть так и делает, — говорит Иван.

Взяла нянька дитятко и пошла в чисто поле, в тёмный лес.

А Двуглазка-подменница меж тем Ивана просит:

— Пойдём, милый, в мой сад на прогулку-разгулку!

Только в сад ступили, враз серебряные листочки свернулись, певчие птицы не поют, кот-баюн не мурлычет. «Ой, лихо, неладно что-то!» — говорит себе Иван.

День миновал, другой миновал, опять заплакал ребёнок. Нянька его подхватила, туда спелеонала, полотном повила, побежала в чисто поле, в тёмный лес. Иван — торговый сын за ней крадётся. Нянька с младенцем у кустика села, где лес кончается, поле начинается. Иван — торговый сын за кустиком притаился.

Выбежали из лесу рыси. Нянька им кричит:

— Рыси вы, рыси, побегучие рыси! Не бегите мимо. Слышите, младенец плачет, есть хочет.

Отвечают рыси:

— Некогда нам останавливаться, на охоту спешим. А младенцева мать позади нас с другой стаей.

Пробежали рыси, а дитя пуще того плачет.

Вот опять рыси из лесу выбегают. Нянька снова кличет:

— Рыси вы, рыси, побегучие рыси! Не бегите мимо. Слышите, младенец плачет, есть хочет.

Бегут рыси мимо. Одна рысь остановилась. Рысью шкурку с себя сбросила, красавицей обернулась, взяла дитя на руки, к белой груди прижала, кормит его, приговаривает:

— Пей, ешь, моё дитятко рожоное, чтоб заснуть на двое суток. Узнал Иван свою Палашеньку, взял тихонько шкурку, развёл костёр и шкурку в огонь кинул. Горит шкурка, а Палашенька говорит:

— Ох, что-то палёной шерстью пахнет.

Покормила ребёнка, няньюшке отдала, к тому месту, где шкурка лежала, кинулась.

Тут и схватил её Иван. Закричала она, бьётся, вырываются. Билась, билась в его руках, да и свилась в золотое веретёнце. Иван то веретёнце взял, мигом пополам переломил, половинку через плечо бросил, половинку к ногам кинул и сказал:

— Позади меня цветно платьице, впереди меня жена-красавица!

Как сказал, так и сделалось. Встала перед ним Палашенька, надела цветно платьице, мужа обняла, всё ему рассказала.

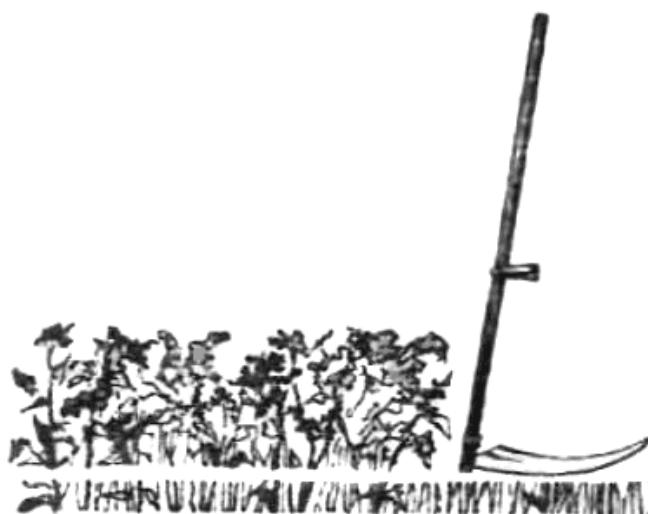
Пошли они домой. Через сад проходили — серебряные листочки расправились, птицы запели, кот-баюн замурлыкал.

Прогнал Иван Двуглазку прочь. С тех пор ведьма-мачеха со своими дочерьми и близко подходит боялась.

А Иван — торговый сын с Палашенькой стали счастливо жить-поживать, добра наживать, сыночка расти.

КАК ГРЕЧИХУ ДВА РАЗА КОСИЛИ

Русская сказка

Хороша у попа гречиха уродилась. Густо стоит, дружно созрела. Самая пора косить. Да у попа один батрак, а поле большое, никак ему не управиться. Надо ещё работника на время принять, только никто к попу идти не соглашается. Больно уж он скуп.

Как раз в ту пору шёл через село молодой парень, забубённая головушка. Шёл из города с заработка в свою дальнюю деревню.

Просlyшал, что поп дешёвого работника ищет, и думает: «Почему бы ещё не подзаработать? Поп дёшево наймёт, да дорого заплатит!»

И свернулся к попову дому.

— Так и так, батюшка, не надо ли вам мастера на все руки: и жать, и косить, и возить, и молотить?

— Возить да молотить сами управимся, — отвечает поп, — а гречиху скосить, точно, надобно. Да сойдёмся ли в цене?

— А что цена?! Пшена и сала вволю — вот и вся плата.

Смотрит попов батрак на нового работника и думает: «Нашёл мой хозяин дурачка!»

А тот ему подмигивает: не робей, мол, со мной не пропадёшь.

Эпосы, легенды и сказания: «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян.»

Вот утром собираются оба работника в поле. Дал им с собой поп пшена мешочек да сала добрый кус.

— Этого, — говорит, — вам на целый день хватит.

Пришли в поле. Новый работник батрака спрашивает:

— Разгадай мне загадку: с чего день начинается?

— У добрых людей — с сытного завтрака, — батрак отвечает.

Хорошее слово. Так и сделаем.

Развели костёр на краю поля, сварили пшено, сальцем заправили. Наелись до отвала, новый работник опять батрака спрашивает:

— Если бы ты, к примеру, царём был, что бы, наевшись, делать стал?

— Да поспал бы всласть, — батрак отвечает.

— Ну, так давай спать.

Батрак испугался:

— А гречиха как же?

— Не тревожься. Мой ответ перед попом.

Легли ненадолго подремать, да до вечера и проспали. Вечерком встали, костёр развели, поужинали и домой пошли.

— Ну, скосили? — поп их встречает.

— Да чуток осталось, — новый работник говорит.

Ночь проспали, наутро опять в поле собираются.

— Давай ещё припасов, — работник у попа требует. — Без харчей косой не помашешь.

Насыпает поп пшена, нарезает сала, а у самого руки от жадности трясутся.

— Неужто всё вчерашнее приели?! И как только брюхо вместило!

Тут новый работник как рассердится! Даже ногами затопал. Пшено по всей хате рассыпал, сало за окошко выкинул. Сам кричит:

— Вот тебе пшено, вот тебе сало! А скошенная гречиха чтоб обратно на поле всталла!

Не поверил поп такому чуду, а всё-таки испугался. Посыпает попадью:

— Беги на поле скорёхонько, возвращайся быстрёхонько. Неужто правда скошенная гречиха обратно встала?

Сбегала попадья. Вернулась, глаза выпучив.

— Ох, муженёк-батюшко, встала ведь гречиха! Да лучше прежнего. Так и стоит в поле, ровно щетина по хребту у борова.

— А зерно-то есть?

— Висит, батюшко, комьями. Одна беда, осыпаться начало.

Поп за голову схватился. Говорит работникам:

— Берите харчей, сколько надообно, да косить скорей отправляйтесь.

А новый работник отвечает:

— Я теперь за старую цену не согласен. Харч давай да столько-то рублей заплати. Не то такое слово скажу, что вся гречиха разом осыплется.

Поп туда-сюда, а делать нечего. Пришлось раскошелиться.

К вечеру скосили гречиху. Новый работник полный расчёт получил. На прощанье сказал попову батраку:

— Сам видишь, братец, нам, беднякам, без ума да без хитрости не прожить. Поп учён, только и его проучить можно.

Поделился с батраком заработанными деньгами и пошёл, куда раньше шёл.

СКАЗКА — БЫЛЬ, ДА И ПЕСНЯ — ПРАВДА
Белорусская сказка

Ходил по свету песенник. И сказочник по свету ходил. Вот как-то встретились они, стали вместе ходить. И так уговорились: один песни поёт, другой сказки сказывает. Кто что заработает, пополам делят.

Пришли в одно село, завернули в шинок, где мужики гуляли. Песенник и начал песни петь. Весёлую запоёт — мужики ногами притопывают, в пляс пускаются. Запоёт печальную — мужики принахмурятся, в чарку слёзы роняют. Кончил песенник петь, мужики хвалят: «Отродясь мы этих хороших песен не слыхивали», — и надавали медных денежек, кто сколько мог. А сказочника и слушать не стали.

Вышли из шинка, песенник и говорит:

— Песня — правда, а сказка — вздор. Через песни ты мой хлеб ешь, а не я твой.

— Погоди, — отвечает сказочник, — больно спешишь. Где правда, где вздор, впереди видно будет.

Идут они по селу, а уже завечерело. Видят — в одной большой избе-пятистенке все окна светятся.

— Вот сюда зайдём! — сказочник говорит.

А там девки да молодые жёнки на беседу собрались. Которые кудели прядут, которые вышивают... Парни около девок крутятся.

Стал сказочник сказки сказывать. Весёлую расскажет — все смеются. Страшную говорит — все и дохнуть боятся, девки друг к дружке жмутся.

Кончил сказочник одну, ещё просят. Допоздна рассказывал. Накормили их досыта, да ещё кто кудели дал, кто пряжи. Вышли из избы, сказочник и говорит:

— Нет, брат, сказка правда, а песня вздор. Это ты через мои сказки хлеб ешь.

Тут они и заспорили. Песенник своё твердит, сказочник — своё. Спорили, спорили и на одном согласились: надо такого человека найти, чтобы их рассудил. Стали судью искать. Ну, им люди и посоветовали, сказали, что за рекой, на пчельнике, живёт старый пасечник, он дольше всех прожил, больше всех знает. Он и решит спор.

Переехали реку, пришли к пасечнику.

— Можешь ты нас рассудить? — спрашивают.

— А какая у вас тяжба?

— Такая и такая... — И всё ему рассказали.

Пасечник и говорит:

— Ну, садитесь, добрые люди. Я вас рассужу. Только вперёд покажите, кто что умеет. Кому первому начинать?

Эпосы, легенды и сказания: «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян.»

— Начинай ты, — говорит песенник сказочнику.

— Ну что ж, — сказочник отвечает.

Сел поудобней и начал.

Была б у меня хата тёплая да перина мягкая, сидел бы в печи хлеб пушистый, а в жбане был бы квас кислый, наелся бы я, напился да всю бы ночь байки баял, сказки сказывал. Это присказка, а сказка впереди.

Жил мужик ни бедный, ни богатый, и был у него единственный сын, а жена давно померла. Отец один сына растил, берёт да лелеял, ничего для него не жалел. И вырос сынок парням на удивленье, девкам на загляденье.

Дорос до совершенных лет, тут отец и задумал молодца женить. Присмотрел в соседнем селе сыну пару: красивую девушку, статную и не бедную. Поговаривали люди про её семью всякое, да мало кто что скажет, всех не переслушаешь!

Вот поженили их, свадьбу, как положено, сыграли. И повезли молодую в дом к жениху, чтоб хозяйкой там была. Приданое за ней дали хорошее, всё новое, неношеное. Смотрит молодой, примечает — новое-то всё новое, а вот зачем молодая метлу с собой прихватила, да ещё старую, прутья в ней побломаны, повытерты.

Молодой и думает: «Неужто я своей жёнушке новой метлы не сделаю?! Завтра же с утра на вязу хоть три, хоть десять мётел. Пускай метёт, сколько душе угодно».

Легли они спать. Только задремал молодой муж, чует — жена с постели тихонько поднимается. Он один глаз приоткрыл, А она шасть к запечку, где метла стояла, берёт её да верхом садится.

Тут уж он и второй глаз открыл, глядит в оба. Недоброе, видно, затевает! Она заслонку у печки отслонила, собирается на метле через печь в трубу вылететь.

Вскочил он — да за метлу.

— Стой, ведьма, никуда не полетишь! И ведьмачить не будешь!

Изломал метлу и прутики разбросал. Она схватила от той метлы прутик, хлестнула его и крикнула:

— Я как была ведьмой, ведьмой и останусь! А ты был человеком, а теперь псом побегаешь.

Песенник руками всплеснул:

— Бывает же такое! Вот каково злую бабу в жёны взять!

— Погоди, ещё не то будет! — говорит сказочник. — Ты знай слушай.

— И мне послушать дай, — сказал пасечник.

Так оно и сделалось. Стал молодой муж псом. Всё, как и раньше, понимает, а сказать ничего не может. То рычит, то лает.

«Что же это она со мной сотворила?! Не житьё мне теперь. Пойду утоплюсь!»

А как к речке пришёл, на тёмные омыты, на бурливые водовороты посмотрел, страшно ему стало.

«Утопиться никогда не поздно. Побегу дальше, увижу больше».

И побежал на чужую сторону, где он никого не знал, где его никто не знал. Из лесных краёв — в степь широкую. Селения там одно от другого редко стоят. Оно-то хорошо — людям на глаза не попадаться, да ведь голод не свой брат. А уж так он, бегаючи, проголодался, что, кажется, шкуру бы на себе изгрыз.

В той степи пас овец панский батрак. И как раз в ту пору собрался полудновать. Пёс и думает: «Сверну к пастуху, может, хоть корочку кинет».

Прилёг невдалеке, голову на лапы положил и прямо в глаза ему смотрит.

А пастух с утра до вечера, с ночи до утра в степи один. Словом перемолвиться не с кем. Вот и привык сам с собой разговаривать.

— Притомился пёс! — говорит. — Видно, издалека бежал! Верно, заблудился. Верно, от холмины отился. Верно, есть хочет.

И кинул псу корочку хлеба.

А овцы тем часом разбрелись по пастбищу, того и гляди, совсем в степь уйдут.

— Эх, — говорит пастух, — не ко времени полудновать начал. Было б мне овец до кучи сбить, а уж потом за еду приниматься.

Только так сказал, поднялся пёс, побежал по большому кругу, согнал всех овец в кучу.

Эпосы, легенды и сказания: «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян.»

— Вот это пёс! — пастух удивился. — Вот это помощник! Переломил краюху хлеба пополам, половину себе, половину псу.

Теперь они так работу поделили: пёс отару пасёт, пастух на солнышке лежит, то дремлет, то песни распевает.

Солнце за край степи ушло. Пастух загнал овец в кошару, замкнул замок и ключ к поясу привязал.

Утром проснулся, говорит себе: «Надо скорей кошару отмыкать!» Хватился ключа, а ключа на пояссе нет.

— Батюшки! — испугался пастух. — Это что же такое делается! Должно, вора проспал.

Смотрит — овцы спокойненько траву щиплют, пёс около отары ходит, сторожит, приглядывает, и в зубах у него ключ на верёвочке висит.

— Ох, молодец мой пёс, молодец! — стал пастух приговаривать. — Надо его покормить, да и самому поесть не грех.

Любо-дорого поглядеть, как пёс ест. Кусок мяса откусит да сразу хлебом и закусывает. Ну, чисто человек, а не пёс! Пастух-то не знает, что тот и впрямь человек.

Завернул пастух остатки еды в тряпицу и сказал псу:

— Коли ты такой умный, паси сам, а я своих в селе проведаю, как там жена, как детки.

Пошёл да и загостился. Три дня в селе пропадал, три дня в степи не бывал.

Вернулся — пёс ему навстречу, за полу зубами хватает, к кошаре тащит. Посмотрел пастух, так и остолбенел: двенадцать овец зарезанных рядом лежат.

Пастух на пса посохом замахнулся.

— Вот твоя благодарность за хлеб, за доверие!

А пёс его на другую сторону кошары тянет, будто с собой приглашает. И что бы вы думали? На той стороне лежат рядом двенадцать волков — и у всех горло перегрызено.

У пастуха и посох из рук.

— Спасибо тебе! — говорит псу. — Мне бы так не управиться. Чего доброго, меня бы самого волки растерзали. Теперь-то всё ладно. Перед паном управляющим за овец волчьими шкурами откуплюсь. Тёплые из них шубы выходят. И себя не забуду — из овчин тулууп сошью.

На радостях закатился чабан в шинок. Пьёт чарку за чаркой, перед людьми куражится.

— Я нынче сам себе и пан, и князь. У меня подпасок завёлся, такой, не скажу какой. Только лучшего не сыщешь. Что хочу, то и делаю, никого не боюсь!

А тут как раз завернул в шинок управляющий — табак у него, вишь, кончился. Как завидел наш храбрец пана управляющего, так у него душа в пятки ушла. А управляющий на него напустился.

— Ах ты, такой-сякой, — кричит, — в шинке прохладжаешься, а овцы без присмотру по степи бродят! Вот поедем сейчас к отаре, если хоть одна овца пропала, прогоню сейчас же. Прах тебя побери!

Приехали. Управляющий увидел зарезанных овец, затопал ногами:

— Так и есть, как я говорил! Теперь тебе век не расплатиться!

— Не туда вы смотрите, пан управляющий, в ту сторону поглядите. Там лежат тёплые шубы и для вас, и для главного управляющего, и для самого князя.

Повернулся голову управляющий, да так и ахнул: двенадцать матёрых волков — один к одному и все, как один! Тут он и сменил гнев на милость.

— Как же ты их одолел? — спрашивает.

— Да не буду врать, — пастух отвечает. — Не я это, а мой верный слуга, мой помощник.

— Какой такой помощник?!

— А вон он, овец пасёт.

Пёс услышал, что про него бают, подбежал и поклонился управляющему. Да не просто мордой мотнул, а встал на задние лапы, правую переднюю в сторону отвёл и головой низкий поклон отвесил.

— Ну и ну! — только и молвил управляющий. — Это пёс панский! Не тебе, мужичьей кости, быть ему хозяином. Вот тебе десять рублей, а собаку — мне.

Пастух своего помощника и за сто рублей бы не отдал. Да разве с паном управляющим поспоришь?!

Посадил пан пса в коляску и уехал.

Эпосы, легенды и сказания: «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян.»

Привёз к себе, и такие в доме чудеса пошли, что пан ни на один час с собакой расставаться не хотел. День и ночь при себе держал.

А тут как раз пановы именины подоспели. Съехались к нему гости, управляющие из других княжеских имений. Князь-то богатый был, земли-то у него немеряно!

Выпили паны, и, как водится, зашёл у них разговор о пустяках. Стали они собаками хвалиться. Именинник слушает, посмеивается. А уж когда все нахвастились, позвал своего пса и говорит:

— Покличь-ка мне Ивана, Романа да третьего — Степана. Смеются гости: какое поручение собаке дают! Такой собаки и на свете нет, чтобы его выполнила!

А пёс степенно из комнаты вышел, недолго пропадал, назад идёт, трёх слуг за собой ведёт.

Паны и смеяться перестали, спрашивают у слуг, как кого зовут.

Один отвечает:

— Я — Иван.

Другой отзыается:

— Я — Роман.

Последний говорит:

— Те двое — Иван да Роман, а я третий — Степан.

Тут паны поверили, какие собаки на свете бывают.

А имениннику ещё мало. Велел собаке уголёк принести, чтобы трубку раскурить. Опять никто не верит: как же тварь четвероногая горячее принесёт?!

Вот пёс входит, в зубах у него ложка, на ложке уголёк тлеет. И подносит тот уголёк хозяину трубку раскурить.

Эпосы, легенды и сказания: «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян.»

У панов много времени на забавы, да и забавам конец приходит. Отпраздновали именины, разъехались гости. А главный управляющий остался и принял просить пса себе в подарок.

Хозяин думает шуткой отговориться:

— Чтобы именинникам подарки делали — знаю. И сам сегодня подарки получил. А чтобы гость у именинника подарка требовал — такого не слыхивал.

Главный управляющий своё гнёт: отдан да отдан ему собаку. Рассердился управляющий, сказал:

— Не достанется тебе мой пёс!

И главный рассердился:

— Коли так, мне не достанется и твоим не останется!

Вскочил в коляску, поскакал к самому князю.

Что он князю наговорил, они вдвоём знают, а только утром уже от князя к управляющему слуги были посланы со строгим наказом: сейчас же пса князю представить.

Батраку с управляющим не спорить, а управляющий против князя ничего не смеет. Отдал он пса, да ёщё низко кланялся.

Князь в комнатах пса держать не стал. Сколотили по его велению конуру, просторную, тёплую — к зиме шло дело, во дворе канат протянули, чтобы псу на цепи кругом бегать.

Неспроста так князь сделал. Трёх лет не прошло, как женился князь. Через год родила княгиня сына, и — вот беда! — в первую же ночь пропал младенец, неведомо как, неведомо куда. Никто ничего не слыхал, никто ничего не видал. Искали, искали и следа не нашли.

А теперь княгиня опять ребёнка ждёт. Мало ли что случится?

Князь так думал: если пёс и вправду такой умный, как рассказывают, может, хоть он устережёт от беды неведомой.

Так оно и шло: пёс днём на цепи бегал, еду ему подавали прямо с княжеского стола. Ночью с цепи спускали. Вроде бы вольней, да двор княжеский — что твоя крепость: ограда высокая, ворота на засовы заложены, замками замкнуты. Затосковал пёс, обидно ему, всё-таки он человек! Может, и убежал бы, как-нибудь изловчился, да жаль ему княгиню молодую. Слышал он, как слуги между собой толковали, что первого её младенца унёс неведомо кто: то ли цыгане, то ли нищие, то ли нечистая сила. «Поживу пока», — думает.

Замолчал тут сказочник, остановился дух перевести. А песенник его торопит:

— Давай говори скорей! Охота знать, что дальше было.

Усмехнулся сказочник:

— Зачем тебе слушать, как я вздор горожу?

— Вздор не вздор, а ты скажи, уберёг пёс младенца или не уберёг. И что с ним потом было?

— Э, нет, — покачал головой сказочник, — зима за весной не наступает, в середине лето да осень будут. И сказка своим чередом идёт.

— Хочешь слушать, так слушай, — пасечник сказал. — А слову не мешай.

Песенник замолк. Сказочник опять сказывает.

Через какое-то время родились у княгини два сына.

Князь от счастья себя непомнит. Созвал на радостях гостей. Пьют, едят гости, и князь с ними. Слуги гостям подносят и себя не забывают.

Пировали почти до полуночи. Потом разошлись, огни погасили, спать легли.

Князь говорит:

— У нас пёс надёжный, устережёт! — и тоже заснул.

Не знал он, что слуга за гульбой да весельем забыл собаку на ночь с цепи спустить.

Бегает пёс вокруг двора по канату, цепью бренчит.

Только полночь минула, сам собой замок на воротах открылся, сам засов отодвинулся. Крадётся в усадьбу ведьма, да прямо к дому. Признал сразу эту ведьму пёс — жёнка это его, та, что пском его оборотила. Рвётся он с привязи, но крепко канаты свиты, прочно цепь скована. Стал канат перегрызать. До половины перегрыз.

А ведьма уже из дома выходит, двух младенцев к себе прижимает. Рванулся тут пёс что было силы — лопнул канат. Зарычал пёс, на ведьму бросился. А у той руки заняты, она младенцев держит, ногами его пинает, к воротам пробивается. Рвёт её пёс острыми клыками, а следу не оста-

Эпосы, легенды и сказания: «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян.»

ётся и кровь не течёт.

Так бы и унесла детишек, да когда она уже у самых ворот была, запели первые петухи. Тут она младенцев и бросила, сама в ночной тьме будто растаяла.

Пёс подобрал младенцев, отнёс их в конуре и сам рядом прилёг. Обхватил лапами, телом своим греет. Ведь мороз на дворе, стужа лютая.

На рассвете проснулся князь, встал, пошёл своих сыновей проводить. Смотрит — обе колыбельки пустые, княгиня спит, и няньки спят.

— Ах, — закричал князь, — пёс окаянный! А я-то на него надеялся! Лучше бы я сам глаз не сомкнул, верней бы уберёг!..

Схватил двустволку заряженную, выбежал на крыльцо. Не раздумывая долго, вскинул ружьё — барабан по конуре из одного ствола. Да сгоряча не попал.

Тут пёс младенцев лапами расшевелил. Они и заплакали.

Как услышал князь жалобный плач своих деток, чуть ума не решился. Бросился к конуре, ребяток слезами обливает, пса целует, благодарит.

На выстрел уже все домочадцы выскочили, детишек унесли. И по приказу князя в тот же день надели на пса богатый ошейник, шитый шелками, самоцветными каменьями изукрашенный.

Да пса княжеская милость не радует, лучше бы ему волю подарили!

«Ну, ладно, — думает, — дождусь ночи, сам как-нибудь убегу. Я своё дело сделал!»

Пришла ночь, полночь с собой привела. И опять, как вчера, сами собой ворота растворились. Жёнка его появилась.

— А, — говорит, — тебе псым неплохо живётся. Вишь, как тебя разукрасили! Слушай же меня: ты мою летучую метлу изломал, младенцев у меня отнял, я больше над ними власти не имею... А над тобой имею!

Хлестнула его прутиком и проговорила:

— Побегал ты псым, теперь птицей полетай!

И оборотился пёс соловьем. Да не серым соловушкой, а птицей красоты нескованной, невиданной. Шелка да каменья, что на ошейнике были, засияли перышками разноцветными.

Поднялся на лёгких крыльях соловей, вокруг княжеского двора облетел, сам себе жалуется:

— Было бы время тёплое, лето красное, хорошо бы я прожил. Куда захочу — полечу, где вздумаю — поклюю да воды попью. А теперь зима лютая, стужа великая, все поля, все луга снегом закалило. Ни согреться, ни прокормиться... Чем так мучиться, лучше разом с жизнью расстаться!..

Сложил крылья и пал камнем на землю. Да какой у птахи вес?! Не убился он, даже не расшибся.

Что же делать! Надо дальше жить. Забился под стреху, ночь переждал. Утром полетел, куда крылья понесли, куда ветер направил.

Прилетел в крестьянский двор, а там скирда гречки стоит. Да вся частой сетью-сильём оплела сверху донизу, чтобы птицы зерно не клевали.

Наша птаха думает: «Хоть с голоду, хоть в силках — всё одно пропадать! Может, зёрнышко изловчусь ухватить!»

Ухватил одно зёрнышко, второе склевал, а на третьем в силках запутался. Что больше бьётся, то крепче волосяные петли держат.

На ту нору вышел из избы хозяйствский сын, мальчишечка-малолеток. Приметил птицу, сказал:

— Как же тебя, бедную, глупую, догадало в силках запутаться?

Освободил её и в дом принёс.

А у того мальчишечки сестра была старшая, тихая да ласковая. Глянет — на сердце теплеет, усмехнётся — в тёмной комнате просветлеет, будто солнышко из-за облака выплыло.

Увидела сестра птицу и говорит:

— Подари мне, братец, соловейку. Я тебе отдарю, чем захочешь.

Мальчишечка отвечает:

— Бери так, коли понравилась.

Понесла девушка соловья в горницу, посадила в клетку. Смотрит — запечалилась птица, голову набок свесила. Тут девушка дверцы растворила и говорит:

— Скучно тебе, видно, в клетке сидеть, полетай хоть по горнице. Была б весна, я б тебя на волю отпустила.

Эпосы, легенды и сказания: «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян.»

Соловей полетал по горнице, потом сел на клетку и запел. Так запел, что не слушаючи заслушаешься.

Девушка вздохнуть боится, как бы той песне не помешать. Ровно жалуется соловушка на долю горькую, а какая та доля — не понять девушке. Смутно у неё на душе, роняет она слёзы, как берёза по весне, если кору надрезать.

Кончил петь соловей, девушка слёзы утёрла и говорит:

— Часто в наш сад птихи залетают, песни свищут. А такой песни, как ты спел, не слыхивала. Не ведаю, кто ты таков, а только не птица. Чует моё сердце — человек ты.

Чуть промолвила, стал перед ней молодец — плечи широкие, кудри льняные, глаза голубые.

Не успел молодец слово сказать, зашуршало что-то за печкой — и выползла оттуда змея, гадюка чёрная.

Испугалась девушка, удивилась: откуда среди зимы змее взяться?! А змея прямо к молодцу ползёт, жалом грозится. Молодец не растерялся, наступил гадюке на хвост, стал заговор говорить:

— На синем море-океане стоит камень Алатырь. На том камне растёт яблоня. На той яблоне змеиное гнездо. В том гнезде — три шерстины: шерстина чёрная, шерстина белая, шерстина красная. На тех шерстинах лежит змей-скурлупия, ведьма лютая. Найдут на тебя, ведьма, три тучи, тучи грозные — одна каменная, другая водяная, третья огненная. Каменная побьёт, водяная утопит, огненная спалит. Не будет тебе места ни во мках, ни в болотах, ни в гнилых колодах, ни в тёмных лесах, ни в зелёных лугах, ни в быстрых реках, ни в крутых берегах, ни в жёлтых песках, ни за межой, ни под межой, ни в траве, ни в крапиве. Этим разом, добрым часом плюю и дую на тебя, бесстыдную. Сгинь, ведьма, пропади!

Зашипела гадюка, свиась кольцами и дух испустила.

— Кто тебе та змей? — спросила девушка. — Почему на тебя зло имеет?

Тут рассказал ей молодец всю правду, как есть. Что я вам баял, то и она услышала.

Устал я сказывать, да и сказке скоро конец — что долго говорить! Полюбилась молодцу девушка, и он ей полюбился, как водится.

Невестины родители молодых благословили, свадьбу сыграли. Пожили недолго, потом муж сказал жене:

— Один я у отца; верно, крепко он тужит, думает, меня и на свете нет. Поедем к нему, его старость покоить. А твоим отцу с матерью утеша останется — их сынок, твой братец родимый.

Как молодой муж сказал, так и сделали. К отцу поехали, хорошо зажили, а сейчас ещё лучше живут.

Кончил сказочник сказку сказывать. Сидят все трое, молчат. Потом песенник говорит:

— Ну, брат, твоя взяла! Сказка — правда, а песня — вздор.

А сказочник не соглашается.

— Как же песня — вздор, если через песню с человека заклятье спало.

Отозвался тут пасечник:

— Что ж вас судить, добрые люди, раз вы сами меж собой всё рассудили. Идите, народ радуйте. Когда вместе, когда поврозь, как придётся.

ВРАЛЬ
Русская сказка